

Мир науки. Социология, филология, культурология <https://sfk-mn.ru>
World of Science. Series: Sociology, Philology, Cultural Studies

2019, №4, Том 10 / 2019, No 4, Vol 10 <https://sfk-mn.ru/issue-4-2019.html>

URL статьи: <https://sfk-mn.ru/PDF/41FLSK419.pdf>

Ссылка для цитирования этой статьи:

Жаманкозова А.Т. Теоретическое осмысление трагического в казахской литературе // Мир науки. Социология, филология, культурология, 2019 №4, <https://sfk-mn.ru/PDF/41FLSK419.pdf> (доступ свободный). Загл. с экрана. Яз. рус., англ.

For citation:

Zhamankozova A.T. (2019). Theoretical judgment tragic in the Kazakh literature. *World of Science. Series: Sociology, Philology, Cultural Studies*, [online] 4(10). Available at: <https://sfk-mn.ru/PDF/41FLSK419.pdf> (in Russian)

Автор статьи выражает благодарность доктору филологических наук, профессору КазНУ имени аль-Фараби Есембекову Темиргали Уразгалиевичу за консультации в исследовании заявленной проблемы

УДК 8-82.02/.09-821

ГРНТИ 17

Жаманкозова Арилана Тулендиевна

Евразийский национальный университет имени Л.Н. Гумилева, Нур-Султан, Республика Казахстан
Доцент

Кандидат филологических наук

E-mail: arilana70@mail.ru

Теоретическое осмысление трагического в казахской литературе

Аннотация. В статье раскрыты теоретические основы трагического в литературе. Автор изучил труды классиков русского литературоведения, академические школы и подходы в решении заявленной проблемы. Особое значение приобретает трагическое как модус художественности, в котором разрешение конфликта выступает типом авторской эмоциональности. Автор считает, что трагическое в художественном произведении обращается к внутренним глубинам человеческой души и помогает раскрытию и оценке событий через абсолютный ценностный центр личности. Этим центром является система ценностей героя, к которой и автор, и читатель относятся как к «я-в-мире», сопереживая с ним все перипетии трагической борьбы. Автор отмечает, что содержанием, близким к трагическому в литературе, выступает драматическое. Близость категорий определяется многими позициями. Как и в трагическом, в драматическом возможна борьба, накал страстей, страдание и даже гибель. Автор считает, что основной категориальной характеристикой трагического, отличающего его от других категорий, является непримиримость. Автор доказывает, что трагическое является самостоятельной литературно-эстетической категорией в казахской литературе. Автор изучает специфику трагического, компоненты и стилеобразующие факторы. В статье раскрывается, что трагизм позволяет обрести истину, дает объективную оценку реальной жизни, истории и роли личности в ней, становясь главным оценочным критерием окружающей действительности. Автором представлен трагический конфликт, порождающий новую ситуацию и сопровождающийся действием, движением вперед. Трагический герой казахской литературы не только сильная личность, но, прежде всего, думающая, размышляющая. Трагедийный элемент не может уйти из литературы и общественной мысли, так как он изначально присущ жизни. Это значит, что трагическое – категория вне времени, вечная, не подвластная стремительно меняющемуся миру.

Ключевые слова: трагическое; трагический герой; трагический конфликт; трагедийный элемент; трагические обстоятельства; эмоциональная рефлексия; модус художественности; литературно-эстетическая категория

Введение (актуальность)

На протяжении всей истории развития человечества люди сталкивались с проблемами добра и зла, благородства и подлости, истины и клеветы, порядочности и лицемерия. Эти противоречия были отражены в произведениях искусства и литературы. Искусство, в свою очередь, породило интерес ученых и мыслителей к проблеме трагического. Поэтому трагическое как противоборство непримиримых антиномий всегда было предметом научного исследования. Трагическое в современном литературоведении раскрывается с разных позиций. Сложились академические школы в объяснении этого понятия, что дает нам основание рассматривать трагическое как литературоведческую категорию. Интерес ученых к феномену трагического не угасал на протяжении всего мирового литературного процесса. Сегодня мы имеем возможность не просто проводить анализ основных дефиниций, но и выводить собственное решение на материале произведений казахской художественной прозы. Целью публикации стала необходимость изучения природы трагического в казахской литературе, определение трагического как самостоятельной литературно-эстетической категории.

Методы

В статье использованы культурно-исторический, сравнительно-аналитический и структурно-семантический методы.

Культурно-исторический метод автор статьи применил при изучении теоретической базы трагического, проанализировав «Поэтику» Аристотеля, труды представителей французского классицизма Корнеля и Расина, эпохи Просвещения Вольтера, Д. Дидро, Ф. Шиллера, немецкой классической эстетики Ф. Шеллинга и Г. Гегеля. Особое место в решении категории трагического принадлежит трудам А. Шопенгауэра, Ф. Ницше и С. Кьеркегора. Сравнительно-аналитический метод применялся в решении проблемы с позиций русского и мирового литературоведения. Одним из первых о трагическом в литературе писал доктор филологических наук, профессор Г.Н. Пospelов. Точка зрения ученого представляет несомненный интерес. Г.Н. Пospelов считал трагическое *видом пафоса*, уделяя при этом большое внимание трагической ситуации. Профессор Г.Н. Пospelов писал: «Трагическая ситуация более напряженная и сложная. Она создается не только столкновением с угрожающими внешними силами, но прежде всего внутренним противоречием между *жизненными стремлениями* личности и *признаваемыми* ею *сверхличными* ценностями жизни» [1, с. 201]. Эта мысль ученого остается актуальной и сегодня. Трагическим может быть страдание и боль, испытываемые героем в силу воздействия на него сверхличных ценностей, которыми могут быть любовь, дружба (Г.Н. Пospelов). Трагическая борьба может быть порождена внутренними противоречиями, в которых пафос трагического отражается через конфликт душевных порывов личности и сложившейся жизненной ситуации. Пафос трагического служит возвышенной идее. Сверхличные ценности становятся в произведении превыше всего. Профессор Г.Н. Пospelов завершает: «Основная, существенная особенность таких конфликтов (трагических – Ж.А.Т.) заключается в том, что возникают они в сознании людей, преданных какой-то возвышенной идее, вступающих своими переживаниями и вытекающими из них действиями – иногда только предполагаемыми – в противоречие с ней» [1, с. 206].

Поспеловскую концепцию поддерживает и продолжает доктор филологических наук, профессор Е. Руднева, считая пафос основополагающим в объяснении трагического [2]. Развивая поспеловскую идею о трагическом как виде пафоса, она находит его (пафос) наиболее прямым выражением мировоззрения художника, трагическое выступает также *стилеобразующим фактором* произведения [3, с. 157].

Группа других ученых, в частности, И. Волков и М. Лазарева относят трагическое к *типу художественного содержания* [4; 5]. Доктор филологических наук, профессор В.Е. Хализев считает трагическое *типом авторской эмоциональности*: «В художественных произведениях, иначе говоря, имеют место обладающие устойчивостью «сплавы» обобщений и эмоций, определенные типы освещения жизни. Это героика, трагизм, ирония сентиментальность и ряд смежных им феноменов» [6, с. 68].

Доктор филологических наук, профессор В.И. Тюпа продолжает традиции, заложенные канадским профессором Нортропом Германом Фраем. В.И. Тюпа, вслед за Н. Фраем, относит трагическое к *модусу художественности*. Профессор В.И. Тюпа указывает на художественность, которую определяет как «своеобразие не языка, а мышления (при всей их нерасторжимости)» [7, с. 4]. Ученый идет дальше. Он связывает трагическое с областью наших переживаний и реакций на окружающий мир. Они (переживания и реакции) проявляются через мышление, внутренние монологи и размышления. Трагическое вызывает в человеке определенную эмоциональную рефлексю, считает В.И. Тюпа. Он пишет: «Эстетическое отношение не следует понимать слишком узко и ограничивать любованием красотой предметов, любовным созерцанием явлений жизни. К сфере эстетического принадлежат также смеховые, трагические и некоторые иные переживания, предполагающие особое состояние катарсиса...

Иначе говоря, эстетическое отношение представляет собой **эмоциональную рефлексю**. Если рациональная рефлексия является логическим самоанализом сознания, размышлением над собственными мыслями, то рефлексия эмоциональная – это **переживание переживаний** (впечатлений, эмоциональных реакций)» [8, с. 20]. Трагическое, являясь модусом художественности, характеризует произведение как целое и воплощает авторскую концепцию личности, какой она должна быть [7]. Действительно, человек каждый день вступает в определенные взаимоотношения с детьми, семьей, миром, людьми. Всё это составляет особый тип поведения и отношения человека к действительности. Мы переживаем радость и горечь, счастье и боль, победы и поражения. Но эти чувства бытовой жизни вызывают в нас рациональные рефлексии на объективную реальность. Другое дело – трагическое в литературе. Переживание переживаний или вторичное переживание нашим сознанием трагизма, трагической ситуации художественного произведения позволяет нам не просто воспринять трагическое, но, прежде всего, оценить происходящее «культурным опытом личности». В.И. Тюпа продолжает: «...по мысли Б.Л. Пастернака, ... «искусство, в том числе и трагическое, есть рассказ о счастье существования». Предметом эстетического «утверждения» выступает единичная целостность личностного бытия: я-в-мире – специфически человеческий способ существования (внутреннее присутствие во внешней реальности).

Всякое «я» уникально и одновременно универсально: любая личность является таким «я-в-мире» [8, с. 31]. Это значит, что трагическое в художественном произведении обращается к внутренним глубинам человеческой души. Трагическое помогает раскрытию и оценке событий через абсолютный «ценностный центр» (Бахтин), который должен быть в каждом человеке, но в окружающей реальной действительности жизни отсутствует [9]. Этим центром является система ценностей героя, к которой и автор, и читатель относятся как к «я-в-мире», «со-творчески со-переживая» с ним все перипетии трагической борьбы. Существование человека трагично изначально. Это обусловлено сущностью человеческого духа. Там, где

живет и выбирает, а значит, действует свободный человек, там и возникает трагическая ситуация. Чем сильнее человек, свободнее разумом, тем больше его жизнь наполнена трагическим. Причина трагедий мира – в самом мире, трагическое есть отражение его состояния. Активность человеческого духа и свобода его воли составляют социальную природу трагедии. Трагическое как со-творческое со-переживание предполагает конфликт, противостояние трагического «я» всему мироустройству, необходимость существования трагической коллизии «я-в-мире». «Полноценное художественное восприятие предполагает не только внутреннее эстетическое видение и внутреннее эстетическое слышание, но и молчаливое «исполнение» произведения – в недискурсивных формах внутренней речи (исполнение текста вслух – факультативный момент его интерпретации)... В этой двойкой ориентированности и взаимодополнительности **со-творческого сопереживания** и состоит феномен художественного восприятия как специфического коммуникативного события», – завершает В.И. Тюпа [8, с. 33].

Исторические аспекты понятия трагического активно исследовались русскими учеными А. Лосевым и А. Аникстом [10; 11]. Трагическое в свете философских учений системно представил В.П. Шестаков. Роль и место трагического в системе эстетических категорий раскрыто Ю. Боровым, Д. Средним, И. Крюковским [12–14].

Профессор Ю. Боров одним из первых исследовал трагическое как эстетическую категорию, чему был посвящен монографический труд «О трагическом», написанный им еще в 1961 году. Позже вышла в свет «Эстетика» Ю. Борева, в которой категория трагического была представлена самостоятельно. Исследователь особо выделил роль и значение трагического героя. Безусловно, это человек, который в состоянии быть ответственным за все, что совершает. Характер его может быть противоречив, но истинная его ценность выверяется ходом истории. Смерть трагического героя раскрывает смысл жизни вообще. Профессор Ю. Боров писал: «Для трагедии смерть – момент истины, когда отчетливей проступают правда и фальшь, добро и зло, сам смысл человеческого существования» [12, с. 107–108]. Ю. Боров видел в трагическом бессмертие общественных начал, морально-нравственных идеалов, заложенных в личности. Скорбь сменяется чувством торжества бессмертия. Негативная сторона трагического нивелируется или исчезает вовсе.

Иную трактовку трагического предлагает профессор Академии русских предпринимателей В.М. Жаринов, который связал трагическое с областью возвышенного. Трагическое как противостояние возвышенного ужасному, совершенства духовного несовершенству духовного и материального – основа теории профессора В.М. Жаринова. Исследователь пишет: «Столкновение духовного совершенства и несовершенства в духовной и реальной сферах проявляется наиболее напряженно. Здесь ужасное (духовное и материальное несовершенство) противостоит возвышенному как светлому духовному началу, одинокому, лишенному поддержки в материальном мире. Мы чувствуем перевес, преобладание силы на негативной основе. В этом суть *трагического*. Отсюда все типичные проявления трагизма...

Другими словами, структура трагического ... представлена *единством патетики и безобразного*. Мы трагичны, когда не внешнее обстоятельство, а внутренняя борьба терзает нас» [15, с. 57]. Профессор В.М. Жаринов видит суть трагического в борьбе, где перевес оказывается на негативной стороне.

Профессор В.М. Жаринов считает, что перевес, преобладание силы на негативной основе составляют главное отличие трагического. В трагическом негатив оказывается сильнее, поэтому личность терпит страдания и смерть. Человек должен быть, прежде всего, на определенном духовном уровне развития, чтобы увидеть в реальности несовершенства духовной и реальной сфер. Вступая в трагическую борьбу, человек должен понимать, что негатив окажется сильнее. Борьба совершенства и несовершенства в духовной сфере и

несовершенство материальное сливаются воедино, становясь мощной силой противостояния внутренним исканиям и душе человека. И когда эта единая сила оказывается сильнее человека, эта борьба перерождается в трагическое осознание жизни.

Структурно-семантический метод применялся в анализе текстов художественных произведений казахской литературы. Со-творческое со-переживание мы можем наблюдать, например, в повестях А. Кекильбаева. Полифония голосов персонажей, автора и читателя позволяет раскрыть абсолютный ценностный ориентир во всем многоголосье повествования. Трагические столкновения добра и зла, силы и музыки, духа и желания, свободы и несвободы приносят победу духовной ценности ценой человеческой жизни, оценивая при этом роль и значение каждой личности, «я-в-мире». Так, окружающий мир и происходящие в нем трагические события в повести А. Кекильбаева «Баллада забытых лет» воспринимаются читателем через цепь впечатлений, воспоминаний и мыслей героев. И это неслучайно. Автор показывает события с разных точек зрения, носителями которых оказываются все персонажи произведения. Читатель находится в ситуации выбора близкой для него позиции, что является результатом его со-переживания. Уже первые строки «Баллады забытых лет» раскрывают совмещение голосов персонажей повести и автора, являясь предвестником трагического в произведении. Далее читатель слышит голоса других персонажей: глазами пленных казахов автор показывает жестокость и силу туркменских папах, речь которых прерывается вновь голосом автора.

Изображая мир, отраженный в мыслях Жонеута, писатель подчеркивает, что все событийные нити произведения тянутся к нему, к сознанию убитого горем человека, потерявшего последнего из трех сыновей и не понимающего, что происходит вокруг. Внутренняя речь Жонеута включает в себя повторение отдельных слов: «он идет», «трудно идти», «почему так трудно», «почему так плохо», вопросительная интонация показывает не просто страдания сломленного горем отца, а предстает как последствия бессмысленной и никчемной вражды двух соседних народов. Трагическое усиливается болью отца, потерявшего трех сыновей. Сознание Жонеута предстает эмоциональной рефлексией на происходящее, складываясь из цепи впечатлений и воспоминаний картин похорон сына. Но писатель не останавливается на этом. Кульминационным пунктом в решении трагического конфликта становится игра пленного музыканта-кюйши, автор вводит в ткань повествования еще один голос – музыканта.

Музыка вызывает в сознании персонажей разные, порой противоречивые рефлексии: Жонеут оплакивает былые победы; пленный домбрист, словно суровый судья, выносит свой приговор; присутствующие туркмены думают о краткости человеческой жизни и о более высоком и достойном назначении человека на земле, нежели бессмысленное и жестокое истребление соседей. В полифонии голосов персонажей повести Абиш Кекильбаев раскрывает общечеловеческие ценности, которые становятся близки и понятны после игры домбриста даже издававшим виды туркменам. Анализ душевных страданий и мук героя помогают писателю исследовать неразрывную взаимосвязь внутреннего развития персонажа с обстоятельствами, проявляющуюся в ярко направленном поступке. В образе Жонеута намечаются внутренние противоречия, столкновение морально-нравственных представлений о выборе им общественной линии поведения. Последние дни жизни Жонеута, раскрытые автором через внутреннюю речь, демонстрируют перед читателем несостоятельность устремлений героя, его моральное поражение и одиночество.

Концепция Нортропа Германа Фрая и его последователя в российской науке В.И. Тюпа представляется нам наиболее плодотворной и актуальной. Трагическое как модус художественности становится доминирующим в казахской литературе. Спецификой трагического в казахской художественной прозе становится выявление его имплицитного,

скрытого смысла, имманентного внутренней форме и конструктивной структуре художественного произведения.

Содержанием, близким к трагическому в искусстве и литературе, выступает драматическое. Близость категорий определяется многими позициями. Как и в трагическом, в драматическом возможна борьба, накал страстей, страдание и даже гибель. Определить тонкую грань отличия этих, по сути, родственных категорий – задача не простая. В казахском литературоведении драматическое впервые было изучено доктором филологических наук, профессором Т.У. Есембековым. Труд ученого «Функции драматизма в художественном тексте» раскрыл категорию драматического в казахской литературе системно и концептуально, в свете последних достижений мировой литературоведческой науки.

В драматизме действия героя продиктованы ответственностью за внешнюю жизнь, драматический конфликт – понятие широкое, способное подниматься как до героических действий, так и до трагического разрешения. Драматический герой не вступает в противоречие с целым миром, с несправедливостью или злом неперсонифицированным. В трагическом герой борется с несовершенством всего бытия. В трагическом негатив оказывается сильнее позитива, поэтому гибель героя или его ценностей неизбежна. Доктор филологических наук, профессор Т.У. Есембеков совершенно справедливо пишет: «Драматический конфликт теснее связан с трагическим, тому есть немало причин разного свойства и толка. Во-первых, оба они возникают при наличии определенной дистанции между идеалом и изображаемой действительностью, хотя такое противостояние вызвано в общих чертах сходными мотивами, решение применительно к каждому из типов неодинаково: в трагическом дистанция исключительна, часто фатальная, роковая, бескомпромиссная, в драматическом – вписывается в жизненные «нормы» и может быть объяснена обыденным сознанием. Во-вторых, элементы трагического в драматическом, драматического в трагическом при разумном использовании создают трагико-драматический оттенок, который обогащает палитру конфликта произведения» [16, с. 105]. Следовательно, основная категориальная характеристика трагического – непримиримость. Трагическое, в модусе отношения человека к окружающей действительности, выступает в качестве основного оценочного критерия; оно показывает главное и суетное, истинно ценное и преходящее в жизни.

Результаты

1. Трагическое в казахской литературе выступает самостоятельной литературно-эстетической категорией.
2. Трагический герой – сильная личность, способная бросить вызов несправедливости и злу.
3. Трагедийный элемент не может уйти из литературы и общественной мысли, так как он изначально присущ жизни. Это означает, что трагическое – категория вне времени, вечная, не подвластная стремительно меняющемуся миру, объективно отражающая все перипетии и нравственные коллизии жизни. Иначе говоря, трагическое вечно столько, сколько жив человек и его всеобъемлющая и всепроницающая мысль.

Обсуждение

Историческое определение трагического менялось на протяжении разных школ и направлений. Но неизменным оставалось то, что трагическое всегда предполагает наличие трагического конфликта, трагического героя, трагических обстоятельств, трагического выбора, трагедийного элемента. Трагический герой в состоянии увидеть гибель справедливого, потому

он герой думающий и переживающий одновременно. Трагический герой – мыслящая личность, гений, который страдает больше всех. В казахской литературе правомерно ставить вопрос о трагизме идей, конфликте социальной нормы и протеста героя, отражении вечных метафизических проблем бытия сквозь призму личностного, национального восприятия героя. Трагическое позволяет обрести истину, дает объективную оценку реальной жизни, истории и роли личности в ней, становясь главным оценочным критерием окружающей действительности. Трагические обстоятельства изображают человека в различных ситуациях, необходимость выбора между истиной и заблуждением, разумом и страстями, благородством и подлостью, волей и неволей сопровождается действием, т. е. движением вперед. Трагическое опирается, прежде всего, на это движение, следовательно, трагическое есть путь движения человеческой мысли вперед. Как вид пафоса трагическое осмысливается в тесной связи с родственными категориями героического, возвышенного, низменного, ужасного. Трагическое в казахской литературе выступает также типом авторской эмоциональности и модусом художественности. Спецификой трагического в казахской художественной прозе XX века становится выявление его имплицитного, скрытого смысла, имманентного внутренней форме и конструктивной структуре художественного произведения. Внутренние искания, переживания и внутренняя речь – неперенные составляющие трагического в казахской литературе XX столетия. Возрастной ценз восприятия трагического, безусловно, связан с категорией взрослости и цивилизованности. Зрелый возраст позволяет человеку увидеть все несовершенства бытия и глубже понять смысл трагического.

ЛИТЕРАТУРА

1. Пospelов Г.Н. Теория литературы. – М.: Высшая школа, 1978. – 350 с.
2. Руднева Е.Г. Пафос художественного произведения. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1977. – 164 с.
3. Руднева Е.Г. К вопросу о пафосе как стилеобразующем факторе // Литературные направления и стили: Сборник статей, посв. 75-летию проф. Г.Н. Пospelова. – М.: МГУ, 1976. – С. 157–168.
4. Волков И.Ф. Теория литературы: Учеб. пособие для студентов и преподавателей. – М.: Просвещение, 1995. – 256 с.
5. Лазарева М.А. Трагическое в литературе. Лекции. – М.: Изд-во Моск. – ун-та, 1983. – 119 с.
6. Хализев В.Е. Теория литературы. Учебник. – М.: Высшая школа, 2004. – 398 с.
7. Тюпа В.И. Художественность литературного произведения: Вопросы типологии. – Красноярск: Изд-во Красноярск. ун-та, 1987. – 217 с.
8. Тюпа В.И. Анализ художественного текста. – М.: Издательский центр «Академия», 2008. – 336 с.
9. Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества: Сб. избр. тр / Сост. С. Бочаров. – М.: Искусство, 1979. – 423 с.
10. Лосев А.Ф. История античной эстетики. Итоги тысячелетнего развития: В 2-х книгах. Книга 1. – М.: Искусство, 1992. – 656 с.
11. Аникст А.А. Теория драмы от Аристотеля до Лессинга. – М.: Наука, 1967. – 455 с.
12. Боров Ю.Б. Эстетика. – Ростов н/Д.: «Феникс», 2004. – 704 с.
13. Средний Д.Д. Основные эстетические категории. – М.: Знание, 1974. – 112 с.
14. Крюковский И.И. Основные эстетические категории. Опыт систематизации. – Минск: Изд-во БГУ, 1974. – 287 с.
15. Жаринов В.М. Философские и социальные науки в таблицах и схемах. Фундаментальные системы. – М.: Приор-издат, 2005. – 96 с.
16. Есембеков Т.У. Функции драматизма в художественном тексте. – Алматы: Ғылым, 2013. – 237 с.

Zhamankozova Arilana Tulendievna

L.N. Gumilyov eurasian national university, Nur-Sultan, Republic of Kazakhstan
E-mail: arilana70@mail.ru

Theoretical judgment tragic in the Kazakh literature

Abstract. In article theoretical bases tragic in literature are opened. The author studied works of classics of the Russian literary criticism, the academic schools and approaches in the solution of the stated problem. Is of particular importance tragic as an artistry mode in which resolution of conflict acts as type of author's emotionality. The author considers that he tragic in the work of art addresses internal depths of a human soul and helps disclosure and assessment of events through the absolute valuable center of the personality. This center is the system of values of the hero which both the author, and the reader treat as to "I-in-world", empathizing with it all peripetias of tragic fight. The author notes that as the contents close to tragic in literature, drama acts. The proximity of categories is defined by many positions. As well as in tragic, in drama fight, intensity of emotions, suffering and even death is possible. The author considers that the main categorial characteristic tragic, distinguishing him from other categories, is the irreconcilability. The author proves that he tragic is independent literary and esthetic category in the Kazakh literature. The author studies specifics tragic, components and style forming factors. In article reveals that the tragic element allows to find the truth, gives an objective assessment to real life, history and a role of the personality in it, becoming the main estimated criterion of surrounding reality. The author presented the tragic conflict generating a new situation and which is followed by action, advance. The tragic hero of the Kazakh literature not only the strong personality but, first of all, thinking, reflecting. The tragical element cannot leave literature and social thought as it is initially inherent in life. It means that tragic – category out of time, eternal, not subject to promptly changing world.

Keywords: tragic; tragic hero; tragic conflict; tragical element; tragic circumstances; emotional reflection; artistry mode; literary and esthetic category

REFERENCES

1. Pospelov G.N. (1978). Teoriya literatury. [*Theory of literature.*] Moscow: Higher School, p. 350.
2. Rudneva E.G. (1977). Pafos khudozhestvennogo proizvedeniya. [*Paphos Artwork.*] Moscow: Publishing House of Moscow University, p. 164.
3. Rudneva E.G. (1976). K voprosu o pafose kak stileobrazuyushchem faktore. [*To the question of pathos as a style-forming factor.*] Moscow: Moscow State University, pp. 157–168.
4. Volkov I.F. (1995). Teoriya literatury. [*Theory of literature.*] Moscow: Education, p. 256.
5. Lazareva M.A. (1983). Tragicheskoe v literature. Lektsii. [*Tragic in the literature. Lectures.*] Moscow: Moscow University, p. 119.
6. Khalizev V.E. (2004). Teoriya literatury. Uchebnik. [*Theory of literature. Textbook.*] Moscow: Higher School, p. 398.
7. Tyupa V.I. (1987). Khudozhestvennost' literaturnogo proizvedeniya: Voprosy tipologii. [*The Artistry of a Literary Work: Typology Issues.*] Krasnoyarsk: Publishing House of Krasnoyarsk University, p. 217.

8. Тыура V.I. (2008). Analiz khudozhestvennogo teksta. [*Text analysis.*] Moscow: Academy Publishing Center, p. 336.
9. Bakhtin M.M. (1979). Ehstetika slovesnogo tvorchestva. [*Aesthetics of verbal creativity.*] Moscow: Art, p. 423.
10. Losev A.F. (1992). Istoriya antichnoy ehstetiki. Itogi tysyacheletnego razvitiya: V 2-kh knigakh. Kniga 1. [*The history of ancient aesthetics. The results of a thousand-year development: In 2 books. Book 1.*] Moscow: Art, p. 656.
11. Anikst A.A. (1967). Teoriya dramy ot Aristotelya do Lessinga. [*Drama Theory from Aristotle to Lessing.*] Moscow: The science, p. 455.
12. Borev Yu.B. (2004). Ehstetika. [*Aesthetics.*] Rostov-on-Don: Phoenix, p. 704.
13. Sredniy D.D. (1974). Osnovnye ehsteticheskie kategorii. [*The main aesthetic categories.*] Moscow: Knowledge, p. 112.
14. Kryukovskiy I.I. (1974). Osnovnye ehsteticheskie kategorii. Opyt sistematizatsii. [*The main aesthetic categories. Systematization Experience.*] Minsk: Belarusian State University Publishing House, p. 287.
15. Zharinov V.M. (2005). Filosofskie i sotsial'nye nauki v tablitsakh i skhemakh. Fundamental'nye sistemy. [*Philosophical and social sciences in tables and diagrams. Fundamental systems.*] Moscow: Prior Publish, p. 96.
16. Esembekov T.U. (2013). Funktsii drammatizma v khudozhestvennom tekste. [*Functions of Drama in a Literary Text.*] Almaty: Gylym, p. 237.